

Твори : у 4-х томах. Том 3. Проза, публіцистика, літературна і театральна критика. / О. Я. Галан. - Київ : Наукова думка, 1980. – 623 с. 4. Галан, Я. О. Твори : у 4-х томах. Том 4. Памфлети, фейлетони, нариси, статті, літературно-мистецька критика, «Перший дебют». Газетні репортажі, промови / Я. О. Галан. - Київ : Наукова думка, 1980. - 847 с. 5. Кисла, Ю. Таємниця вбивства Галана [Електронний ресурс]. - Режим доступу : https://na-skryzhalyah.blogspot.com/2016/04/blog-post_28.html - Дата доступу: 21.10.2023. 6. Млинченко, К. М., Зброєю полум'яного слова. - К., Вид-во АН УССР, 1963. – 120 с. 7. Хархун, В. Соцреалістичний канон в українській літературі : генеза, розвиток, модифікації: монографія. – Ніжин : ТОВ «Гідромакс», 2009. – 508 с.

УДК 519.5

НИКИТКОВ И. В., студент

Научный руководитель - **Девярых С. Ю.**, канд. психол. наук, доцент
УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА (ПО ДНЕВНИКАМ А. НИКИТЕНКО)

Введение. Царствование императора Николая Павловича, официально именуемого «Незабвенный», а неофициально – «Палкин», принесло с собой изменения в социальной и хозяйственной жизни страны. Вместе с тем, положение крепостного крестьянства мало чем отличалось от рабского. Меры, принятые Николаем I (запрет ссылать крестьян на каторгу, продавать поодиночке, реформа управления государственной деревней), не принесли реального ослабления крепостнического гнета, на что они отвечал не только неповиновением своим помещикам, но и бунтами. Справедливости ради отметим, что крестьянские выступления не всегда были связаны с ухудшением положения крестьян, а, пожалуй, главный их мотив был связан со стремлением к освобождению от крепостной зависимости. Это понимали и власти. Как отмечалось в одном из донесений Третьего отделения, «много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказывалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу...» [4, с. 40 – 41].

В Белорусских губерниях этот гнет отягощался еще и национальным, поскольку многие имения принадлежали польской шляхте. Хотя белорусское крестьянство в целом не поддержало Первое польское

восстание (1830-1831 гг.), его результаты не принесли значительного улучшения их крепостного положения.

На излете 1830-х годов А. Никитенко посетил Могилев и Витебск. В своих дневниках он нарисовал картину белорусской жизни этого периода.

Материалы и методы исследований. В качестве материалов исследований выступали дневники Александра Никитенко; использовался нарративный метод (описательный).

Результаты исследований. Александр Васильевич Никитенко (1805-1877 гг.), известный писатель, литератор, профессор кафедры русской словесности Санкт-Петербургского университета, долгие годы практически изо дня в день заносил в дневниковые тетради все, «чему свидетель в жизни был», записывал факты, общественные отклики на них, и собственные размышления, вызванные ими [5, с. 5]. Благодаря дневниковому характеру записей, труд Никитенко создавался не через какое-то время после свершившихся событий, а сразу, по горячим следам, что повышает точность сведений и информативные возможности источника. А. В. Никитенко вел дневник на протяжении всей своей жизни, начиная с четырнадцатилетнего возраста, с 1818 по 1877 гг.

В 1839 году, будучи цензором Петербургского цензурного комитета (1833-1848 гг.) [1], он несколько недель провел в имении Тимоховка (Могилевской губернии), а возвращаясь в Санкт-Петербург, проездом был в Витебске.

Согласно дневниковым записям, 13 июня 1839 г, во вторник, Никитенко выехал из Петербурга, а в воскресенье, 18-го, приехал в Шклов. Он остановился в именье Тимоховка. В Библиотеке Чарторыйских, что в Кракове, сохранился документ, свидетельствующий, что это поселение известно еще с 1643 года, как застенки Тимоховцы в Басейском воеводстве Шкловской волости в Оршанском повете Великого Княжества Литовского [8].

Он остановился у двух сестер Л. Уже не молодых дев, «очень оригинальных женщин» [5, с. 209], чрезвычайно радушных и готовых на всякое добро, старшая из них «настоящий деспот в юбке», а другая, младшая, «немного мягче и сговорчивее» [там же, с. 210].

Без внимания А. Никитенко не осталась вопиющая бедность местных крестьян: «Дети в отрепьях, грязные ... Лица взрослых безжизненны и тупы ... Эти люди, по-видимому, терпят крайнюю нужду и угнетение: о том свидетельствуют и лица, движения, одежда, или, вернее, рубища, которыми они прикрыты, и жилища. В последних вместо окон щели с грязным обломком стеклышек; в тюрьме больше света ... [там же, с. 210].

Утром 20 июля Никитенко выехал в Петербург и, по всей видимости, в вечер этого дня или утром 21-го он был в Витебске [там же, с. 212].

Согласно имеющимся статистическим данным, в 1835 году в Витебске проживало 17861 житель, из которых мужчин было 9818, а женщин – 8043. Почти двадцать процентов населения (3526) были евреи [3]. Витебским губернатором в те годы был статский советник Петр Петрович Львов (26.01.1839—09.03.1840) [2].

Как губернатор, Львов запомнился тем, что в 1839 году в отчете государю о своей губернии указал на чрезвычайное обременение крестьян в польских помещичьих имениях всякого рода повинностями. Император Николай Павлович близко к сердцу принял указание губернатора и ... велел ввести в помещичьих имениях западного края такие же инвентари, какие приняты были к руководству в казенных имениях этого края. Инвентарями назывались утвержденные высшей властью описи имений с точным указанием в них размеров оброка и повинностей крестьян в пользу их помещика [6].

В Витебске А. Никитенко познакомился с прокурором Яковом Петровичем Рожновым и, как ему показалось, «человеком образованным и благородным». Из бесед со своим новым знакомым автор дневников много нового узнал о чиновничьем произволе, в частности, о генерал-губернаторе Смоленском, Витебском и Могилевском Петре Николаевиче Дьякове (1788—1860 гг.), который в 1836 году в звании генерал-адъютанта сделан был сначала исполняющим должность генерал-губернатора, а потом и генерал-губернатором. Этот пост он занимал с сентября 1836 г. по апрель 1845 г. [7, с. 732]

Как оказалось, Дьяков уже несколько лет как признан сумасшедшим: «Каждый день его управления знаменуется поступками, крайне нелепыми или пагубными для жителей. Утро он обыкновенно проводит на конюшне или на голубятне: он страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооружен плетью, которую употребляет для собственноручной расправы с правым и виноватым. Одну беременную женщину он велел высечь на конюшне за то, что она пришла к его дворецкому требовать сто пятьдесят рублей за хлеб, забранный у нее на эту сумму для генерал-губернаторского дома. Портному велел отсчитать сто ударов плетью за то, что именно столько рублей был ему должен за платье. Об этих происшествиях и многих подобных, говорят, было доносимо даже государю. На днях он собственноручно прибил одну почтенную даму, дворянку, за то, что та, обороняясь на улице от генерал-губернаторских собак, одну из них задела зонтиком. Она также послала жалобу государю» [5, с. 212].

А. Никитенко не скрывает своего удивления: «и, тем не менее ему поручена важная должность» и возмущенно восклицает: «генерал-губернатора над тремя губерниями. Что же после этого и говорить об управлении края?» [там же, с. 210].

Странности поведения не стали препятствием к назначению Дьякова присутствующим в департаментах Варшавского Правительствующего Сената (1845 г.), а среди его наград, полученных «за губернаторство» орден Белого Орла (01.01.1839) и Св. Александра Невского (16.04.1841) [7, с. 731-732].

Заключение. На протяжении всей своей жизни Никитенко всегда подчеркивал, что он в первую очередь действовал не как чиновник, а как общественный деятель. «Дневник» является важным историческим документом, характеризующим не только положение дел в российской цензуре, но и самого автора. Со страниц «Дневника» встает яркая самобытная личность – человек высокой нравственности, твердых убеждений, «умный, благородный и довольно стойкий». Строгий, но справедливый и благожелательный цензор, сумевший в окружающей его чиновничье-бюрократической среде сохранить свою независимость, свое незапятнанное имя. Личность и деятельность А. В. Никитенко свидетельствуют о том, что далеко не все цензоры были «гонителями свободной мысли», среди них встречались люди, которые рассматривали свою работу на посту цензоров как служение обществу и его благу.

Литература. 1. Березина, В. Г. *Цензор о цензуре // У мысли стоя на часах...Цензоры России и цензура.* – СПб., 2000. – С. 60-85. 2. Данилов, А. А. *История России. IX - XIX века / А. А. Данилов.* - Москва : Дрофа, 1999. – 412 с. 3. *Витебская энциклопедия : Население Витебска [Электронный ресурс].* - Режим доступа : www.evitebsk.com/wiki/Население_Витебска - Дата доступа: 21.09.2023. 4. *Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века.* - М., Высшая школа, 1974. – 272 с. 5. *Никитенко, А. В. Дневник в трех томах. Том 1. 1826-1857 / А. В. Никитенко.* – М.: ГИХЛ, 1955. – 543 с. 6. *Россия под скипетром Романовых, 1613-1913.* - Москва : СП «Интербук» ; [Таллинн] : Таллин. фил., 1990. – 232 с. 7. *Русский биографический словарь. Т. 6. : Дабелов — Дядьковский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова.* — Санкт-Петербург : тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. - 748 с. 8. *Biblioteka Czartoryskichw Krakowie, sygn. 9233, ark. 201v.*

УДК 930.85

ПАНЬ ЧЭНЬ, студент

Научный руководитель – **Девярых С. Ю.**, канд. психол. наук, доцент

УО «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ